

ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ГОРОДА В РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ РАННЕСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Даниил Константинович Гугуев (daniilguguev@gmail.com)

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Цитирование: Гугуев Д.К. (2026) Социологическое осмысление города в региональных исследованиях раннесоветского периода. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(3): 119–149. <https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.3.5> EDN: DSNYKK

Аннотация. В центре внимания статьи находится социологическое наследие участников региональных эмпирических исследований 1920-х гг., которые изучали городскую жизнь в ее культурно-историческом измерении. Научный вклад, внесенный ими в развитие отечественной социологии города как особой области социологического знания, до сих пор не получил широкого освещения в российской социологической литературе, что и предопределяет научную значимость проблематики статьи. Цель настоящего исследования — выявить социально-исторические предпосылки социологического изучения города в рамках региональных исследований раннесоветских годов, выделить его теоретико-методологические особенности, а также осуществить критическое осмысление его результатов. Автором обоснована методология исследования, которую составляет историко-социологический анализ, то есть комплексный анализ социологических построений, учитывающий одновременно внутринаучные и вненаучные факторы их возникновения и развития. Показана роль советского краеведения 1920-х гг. в разработке городской проблематики в региональной плоскости. Отмечено, что научные труды рассматриваемых отечественных авторов, хотя и создавались для решения прикладных задач, в то же самое время содержали обоснование оригинальной методологии эмпирических социологических исследований города на уровне его повседневности. Обозначены специфика, сильные и слабые стороны культурно-исторической перспективы социологического анализа городской повседневной жизни, предложенной в 1920-х гг. советскими регионаледами. Делается вывод о том, что сегодня эмпирические социологические исследования города, проводившиеся в русле раннесоветского краеведческого движения, в теоретическом и методологическом отношении представляют большой интерес, а также обладают серьезным эвристическим потенциалом в контексте современной социологии — как российской, так и зарубежной.

Ключевые слова: отечественная социология города, краеведение, региональные исследования, город, городское сообщество, городская повседневность, экскурсия, фланер.

Постановка проблемы

Раннесоветские годы оказались периодом серьезных испытаний для отечественной социологии. Уже в 1920-х гг. в условиях жесткого идеологического диктата институционализация социологической науки, развитие ее теоретико-методологических основ были существенно ограничены и поставлены под контроль советской власти (Осипова 2005: 36–44). Несмотря на это, в указанное время проводились многочисленные социологические исследования, которые далеко не всегда признавались в качестве таковых, но фактически ими и являлись. Ученые из самых разных областей научного знания занимались проблемами общественного устройства, тенденциями социального развития и т.д. и тем самым выступали социологами.

Начиная с 1920-х гг. в нашей стране осуществлялись главным образом эмпирические социологические исследования, поскольку в данный период роль господствующей идеологии и теоретического фундамента для осмысления социальной реальности начал играть марксизм-ленинизм. Примечательно, что в 1920-х гг. в контексте эмпирической социологии в СССР активно изучалась общественная жизнь в городах, вследствие чего шло интенсивное развитие такой области социологического знания, как социология города.

Следует отметить, что история социологии города раннесоветского периода в отечественной науке освещена частично. Основное внимание как в СССР, так и в современной России уделялось анализу социологических концепций города, сформировавшихся в рамках дискуссии о социалистическом расселении конца 1920-х — начала 1930-х гг. (Хазанова 1980; Измоденова 1989; Яницкий 1998; Яницкий 2016; Меерович 2017; Григорьева 2025). Однако гораздо реже анализировались результаты социологической разработки городской проблематики, проводившейся на протяжении всех 1920-х гг. вне указанной полемики. Малоизученными оказались, в частности, концептуальные построения советских ученых, рассматривавших город с социологической точки зрения на базе региональных исследований. Речь идет о культурно-исторической перспективе в осмыслении городской жизни, которой придерживалось большое число обществоведов. Среди них: И.М. Гревс, А.А. Коленкин, Н.П. Анциферов, Т.Н. Анциферова, Н.К. Пиксанов и другие (см., например: Гревс 1921; Коленкин 1924; Анциферов 1922; Анциферов 1926; Анциферов, Анциферова 1926а; Анциферов, Анциферова 1926б; Анциферов, Анциферова 1927; Пиксанов 1928). В своих научных произведениях они активно ссылались друг на друга и разделяли общие методологические принципы, благодаря чему в отечественной социологии города 1920-х гг. сложилось особое исследовательское

направление, характеризующееся в теоретико-методологическом отношении рядом особенностей.

Социологический компонент в научном наследии вышеуказанных авторов до сих пор не получил широкого отклика среди отечественных социологов. В некоторых социологических и антропологических трудах (Хазанова 1980; Яницкий 1987; Яницкий 1998; Яницкий 2016; Мазалова 2015; Шабаев, Садохин, Лабунова, Сазонова 2018) анализируются лишь отдельные положения о городе, содержащиеся в концепциях упомянутых выше социальных мыслителей, а также уделяется недостаточное внимание изучению социально-исторического контекста возникновения и развития данных концептуальных построений, определению их места и роли в социологии города, оценке их эвристического потенциала. Потребность восполнить указанный пробел предопределяет цель настоящей статьи — выявить социально-исторические предпосылки социологического изучения города в региональных исследованиях раннесоветских годов, выделить его теоретико-методологические особенности, а также осуществить критическое осмысление его результатов на базе историко-социологического анализа.

Методология исследования

Методологию исследования составляет историко-социологический анализ, под которым подразумевается комплексный анализ социологических построений, соотнесенных с историческим контекстом их возникновения и развития. Многие специалисты в сфере историко-социологических исследований принимают во внимание не только внутренние (внутринаучные), но и внешние (внеаучные) факторы, не связанные напрямую с потребностями самой социологии и имманентной логикой развития ее идей и теорий (Голенкова, Гридчин 1998: 45; Козловский 2007: 129; Добренчиков, Полякова 2011: 28; Козловский, Браславский 2019: 64). Данный подход, как представляется, релевантен и для отечественной социологии города раннесоветского периода, поскольку в это время она находилась под серьезным влиянием политических и идеологических установок.

Среди социологов нет единства в понимании того, какие именно факторы следует относить к внешним. Во многом это объясняется тем, что на разных этапах развития российского общества те или иные факторы различались по степени своего воздействия на процесс социологического осмысления (Голенкова, Гридчин 1998: 58–59). В целом мыслители пишут о социальных, культурных, экономических, политических внеаучных факторах (Козловский 2007: 129; Козловский, Браславский 2019: 64), которые конкретизируются в соответствии с предметом и целями историко-социологического исследования.

В рамках настоящей статьи в ходе историко-социологического анализа к внешним причисляются следующие факторы:

- крупномасштабные исторические события, предопределившие особенности городской жизни в раннесоветском обществе и специфику ее социологического осмысления;
- социалистический строй, плановое начало которого обусловило особый подход к социологической разработке городской проблематики в раннесоветском обществе;
- политический и идеологический контекст развития науки в СССР, связанный с особым соотношением социальных групп в раннесоветские годы¹ (в данной работе рассматривается взаимодействие между большевистской властью и учеными-интеллигентами, оставшимися в России после Октябрьской революции).

При осмыслении проблемы взаимосвязи науки и власти уделяется внимание институционализации рассматриваемых концепций через указание на появление в 1920-х гг. особых исследовательских организаций, книжных и периодических изданий (Добренков, Полякова 2011: 35), на базе которых проводились социологические исследования города.

Вместе с тем в настоящей статье анализируются и внутринаучные факторы, поскольку отечественная социология города — особая область социологического знания, возникшая еще в царской России и демонстрировавшая в 1920-х гг. преемственность с дореволюционным периодом как в теоретическом, так и методологическом плане. В 1920-х гг. проводились преимущественно эмпирические социологические исследования города, в связи с чем используется подход к историко-социологическому анализу (Козловский, Браславский 2005: 40), в соответствии с которым выделяют изучавшиеся раннесоветскими обществоведами социальные проблемы, общественные процессы и институты, а также применявшиеся учеными 1920-х гг. методы их постижения и разрешения.

Следует отметить, что в 1920-х гг. отечественная социология города еще не сложилась как научная дисциплина в том виде, в каком она существует сегодня. Анализом городской общественной жизни в то время занимались представители различных наук, поэтому чрезвычайно важным является вычленение в их творчестве собственно социологических конструкций, что рассматривается российскими социологами в качестве одной из ключевых задач историко-социологического исследования,

¹ И.А. Голосенко в качестве одного из этапов историко-социологического анализа выделял «исследование социальной структуры определенной эпохи, основных социальных групп, классов, их соотношения, психологии и идеологии с целью установления социального смысла идей» (Козловский, Браславский 2005: 42).

особенно в случае осмысления начальных периодов становления и развития социологической науки (Добреньков, Полякова 2011: 31). Указанная задача решается следующим образом:

- выделяются социологические понятия в концептуальных построениях раннесоветских обществоведов, а для их обозначения применяются принятые в современном социологическом сообществе термины, так как в 1920-х гг. в рамках отечественной социологии города не сформировался стройный терминологический аппарат;
- выявляются теоретико-методологические особенности изучаемых раннесоветских социологических концепций. Для этого производится их сравнение с социологическими теориями классиков западной социологии, которые получили серьезное освещение в российской науке. В методологическом плане подобный сравнительный анализ является оправданным, поскольку как в дореволюционные (Гугуев 2024: 73), так и в раннесоветские годы наблюдалось взаимопроникновение идей в отечественной и западной социологии города. Методологическое своеобразие эмпирического анализа городской общественной жизни, содержащегося в научных трудах обществоведов 1920-х гг., характеризуется с точки зрения современных представлений о методологии социологических исследований.

Единицей историко-социологического анализа служит научное направление (Осипова 2018: 15), то есть ряд социологических построений, созданных различными раннесоветскими обществоведами, которых объединяли общие методологические принципы, связанные с культурно-исторической перспективой социологического осмысления городской проблематики.

Для оценки эвристического потенциала концепций, являющихся предметом статьи, осуществляется их критический анализ, в том числе с учетом критических замечаний, высказанных отечественными социальными мыслителями еще в раннесоветский период. С этой же целью автор на основе теоретико-методологических и тематически-проблемных сходств сопоставляет рассматриваемые социологические исследования города 1920-х гг. с более поздними исследованиями как отечественных, так и западных социологов.

Основные результаты

Причины развития социологии города в региональных исследованиях раннесоветского периода

Социологические идеи о городе обществоведов, чье научное творчество находится в центре внимания данной статьи, стали складываться

в дореволюционное время (Гревс 1910), однако именно в 1920-х гг. они получили свое концептуальное оформление. Во многом это стало возможным вследствие рождения в 1920-х гг. краеведческого движения, к которому принадлежали рассматриваемые мыслители.

В рамках научного дискурса понятие краеведения имеет различные дефиниции. Так, С.О. Шмидт полагал, что краеведение представляет собой науку и научно-популяризаторскую деятельность, в ходе которой постигается прошлое и настоящее какого-либо «края», то есть местности, причем в этой деятельности могут участвовать как ученые, так и местные жители. Исследователь, понимая краеведение весьма широко, не связывал его с конкретным периодом в истории нашей страны и, в частности, относил к краеведческим практикам изучение земель Российской империи, которое осуществлялось историками, экономистами, географами и т.д. еще в XVIII веке (Шмидт 1997: 155–156). Тем не менее в настоящей статье мы придерживаемся более узкой трактовки краеведения и понимаем под ним особое явление в социальной, политической и интеллектуальной жизни советского общества 1920-х гг., когда, собственно, и стал употребляться термин «краеведение».

Краеведение — проект организации научной и образовательной деятельности, существовавший в 1920-х — начале 1930-х гг. при поддержке советского государства. Согласно М.В. Лоскутовой, краеведение ранне-советского периода стало официальным выражением артикулированной в 1900–1910 гг. в среде отечественных географов программы выявления природного, культурного, экономического разнообразия России путем сплошного порайонного изучения ее территории средствами самоорганизующихся научных обществ на местах. Эта программа была связана с возникновением в начале XX века прикладных наук, развивавшихся не в университетской среде, а в государственных учреждениях и в структурах местного земского и городского самоуправления, что способствовало организации научной деятельности в провинции (Лоскутова 2011: 85, 103). Данная тенденция усилилась в годы Гражданской войны, когда многие ученые вынужденно переехали из центральных городов на периферию, в результате чего включились в работу местных научных организаций (Шмидт 1997: 157–158; Лоскутова 2011: 87).

Исторические события после октября 1917 года создали для развития науки серьезные препятствия, связанные с недостаточным финансированием, невозможностью полноценной научной коммуникации и т.д. Решить эти проблемы могли пришедшие к власти большевики, для которых организация краеведения в общегосударственном масштабе представляла определенный интерес. Так, по мнению С.О. Шмидта, В.И. Ленин и нарком

просвещения А.В. Луначарский видели в поддержке краеведения инструмент для налаживания связей между советским руководством и интеллигенцией, а также для привлечения последней к реализации культурно-просветительской политики и решению задач социалистического строительства. Институционализация краеведения позволила многим людям, занимавшимся интеллектуальным трудом, найти применение своим профессиональным навыкам, а также включиться в сферы деятельности, соответствующие социально-политической конъюнктуре 1920-х гг., одной из которых являлась охрана историко-культурного наследия страны (Шмидт 1997: 157–158).

В результате в начале 1920-х гг. под эгидой советской власти возникло краеведение как «массовое историко-культурное движение», развитие которого прекратилось на рубеже 1920–1930-х гг. в связи с усилением идеологического диктата в СССР и т.д. Тем не менее в течение 1920-х гг. проводились научно-краеведческие конференции, а также распространялись краеведческие издания (например, журнал «Краеведение»).

Краеведческое движение 1920-х гг. было внутренне неоднородным и состояло из представителей как естественных, так и социально-гуманитарных наук. Во многом это предопределило междисциплинарный характер научных изысканий ученых краеведческой направленности. При этом, как замечала М.В. Лоскутова, основоположниками и идеологами краеведческого движения были географы, для которых единицей анализа выступали естественные регионы, объединяющие «всю совокупность природных и культурных факторов, чье внутреннее единство поддается визуальному наблюдению» (Лоскутова 2011: 111). В связи с этим краеведческие исследования 1920-х гг. являлись региональными. Однако среди раннесоветских краеведов были социальные мыслители (И.М. Гревс, А.А. Коленкин, Н.П. Анциферов, Т.Н. Анциферова, Н.К. Пиксанов и другие), которые придерживались иных методологических принципов и обнаруживали региональные особенности на основе социологического изучения города, причем предметом их осмысления служили не столько географические, сколько культурно-исторические особенности городской общественной жизни. Тем не менее эти ученые смогли органично вписаться в краеведение, поскольку развивали экскурсионный подход к анализу городской проблематики, связанный со школьным преподаванием географии (Лоскутова 2011: 110).

Краеведческое движение 1920-х гг. имело не только научную, но и педагогическую ориентацию, поскольку советская власть уделяла много внимания развитию народного образования. Так, Н.К. Крупская занималась подготовкой теоретических и методических материалов, связанных

с организацией краеведческой работы в школе, и, в частности, подчеркивала важную роль экскурсионных мероприятий в просвещении народных масс (Озеров 2021: 51–52). Примечательно, что в образовательных программах по обществоведению 1920-х гг. в СССР, согласно Н.П. Анциферову, содержались тематические блоки, непосредственно связанные с городом (Анциферов 1926: 4–6). Поэтому неудивительно, что участники региональных исследований указывали на возможность использования их трудов о городе в просветительских целях (Гревс 1921: 21; Коленкин 1924: 5, 30–31; Анциферов 1926: 4–6; Анциферов, Анциферова 1926а: 25–26; Анциферов, Анциферова 1927: 6). Они полагали, что образовательная направленность их творчества позволит приобщить народ к развитию городов, что было особенно важно для раннесоветского общества, в котором сельское население являлось преобладающим.

Участники краеведческого движения и большевики придавали большое значение изучению городской жизни по той причине, что урбанизация рассматривалась в качестве социального процесса, обеспечивающего материальную основу для строительства социалистического общества за счет появления и развития городов как центров промышленности (Мионов 1925: 214–215; Анциферов 1926: 88; Анциферов, Анциферова 1927: 86). Урбанистический кризис в Российской империи на рубеже XIX и XX столетий (Гузов 2025), революционные события 1917 года, Гражданская война — все эти моменты разрушительным образом сказались на городах, с неустойчивостью которых в конечном счете столкнулось молодое советское государство.

Закономерно, что в 1920-х гг. наблюдался активный рост исследовательского интереса к прикладным аспектам городской проблематики, прежде всего к различным направлениям городского благоустройства, которые получили освещение и в творчестве исследователей региональных аспектов городской жизни в ее культурно-исторической плоскости. Важным условием для проведения городского благоустройства краеведы считали привлечение широких слоев населения. Однако гражданам страны, в которой исторические городские формы общественной жизни были менее развиты по сравнению с сельскими, нужно было разъяснять основные принципы конструирования городской среды. Так, П.В. Мионов писал: «Градоустройство и благоустройство поселений настолько близко и непосредственно затрагивает интересы масс населения, настолько часто может входить в коллизию с частными интересами граждан, с их привычками, с их миропониманием, что, уже по одному этому, для более легкого проведения мероприятий по градоустройству в жизнь, необходима широкая популяризация основных принципов градоустройства среди

масс населения, необходимо, так сказать, сознательное и доброжелательное соучастие населения в проведении намеченных мер» (Миронов 1925: 218). Очевидно, что просветительская направленность раннесоветских ученых, чьи работы анализируются в настоящей статье, могла помочь в решении обозначенной задачи.

Культурно-историческая перспектива социологического изучения городской проблематики в раннесоветских региональных исследованиях: теоретико-методологические особенности

Осмысление городской общественной жизни в региональных исследованиях, явившись одним из направлений исследовательской деятельности краеведческого движения, в то же самое время оказалось важным компонентом отечественной социологии города раннесоветского периода. В связи с этим рассуждения обществоведов, занимавшихся изучением региональных аспектов, необходимо рассматривать в сопоставлении с концептуальными построениями социальных мыслителей, которые осуществляли социологическую разработку городской проблематики вне краеведческих организаций.

Различных раннесоветских обществоведов объединяло понимание города в качестве «города будущего». Концепция «города будущего» имманентно присутствовала в эмпирических социологических исследованиях города в СССР как 1920-х, так и 1930-х гг. и выражалась в стремлении предложить модель будущего городского поселения, которая отвечала бы потребностям советского общества. Устремленность в будущее, возникшая в отечественной социологии города еще в дореволюционный период (Протопопов 1909а; Протопопов 1909b) во многом благодаря восприятию утопической концепции города-сада Э. Говарда (Гоуард 1911), сохранялась и в первые годы существования советского государства, поскольку органично сочеталась с плановым началом социалистического строя¹. Закономерно, что раннесоветские обществоведы (Гинзбург 1924; Шестаков 1925; Диканский 1926; Велихов 1996 [1928]), в том числе и те, кто имел отношение к краеведческому движению (Анциферов 1926: 60–61), осмысливали город с опорой на говардовские идеи, разделяя либо отвергая их.

Необходимо подчеркнуть, что ученые, изучавшие региональные аспекты городской жизни, в отличие от большинства других раннесоветских

¹ Так, национализация земель в СССР обеспечила практическую возможность городского планирования и тем самым способствовала развитию представлений об урбанизации раннесоветского общества как контролируемом и созидаемом социальном процессе.

социальных мыслителей, реализовывали познавательную ориентацию не только на будущее (Хазанова 1980: 26–27), но и на прошлое. Помимо концептуализации «города будущего», они также проявляли интерес к осмыслению истории городов и их культурного потенциала. Во многом это объясняется тем фактом, что среди участников региональных исследований советского города были историки, филологи, культурологи.

Раннесоветские обществоведы, разрабатывая региональные вопросы, одними из первых в отечественной социологии задали культурно-историческую перспективу постижения городской жизни, расширив предметную сферу социологии города детальным и всесторонним анализом различных аспектов городской повседневности. Включение в анализ повседневности городских обитателей существенно увеличивало познавательные возможности, поскольку позволяло постигать историю и культуру города в их неразрывном единстве. Дело в том, что городская повседневность исторична, так как с развитием общества меняется город и его социальная жизнь. Вместе с тем городская культура укоренена в повседневности горожан, которые наделяют обыденные вещи и действия общезначимыми смыслами и ценностями, в результате чего формируется культурный слой городского социума.

Некоторые отечественные ученые связывали труды участников краеведческого движения, изучавших города в 1920-х гг., с культурологической проблематикой (Шмидт 1997: 162; Шмидт 2010: 560), однако, на наш взгляд, их научные произведения демонстрировали в первую очередь социологический ракурс рассмотрения города. В частности, И.М. Гревс писал, что город необходимо познавать как «коллективное существо», так как городская жизнь выстраивается из многообразной деятельности людей, взаимодействующих друг с другом. Социолог полагал, что городские обитатели организуются воедино на основе социальных связей и отношений, примером чего, по его мнению, служат старые города Запада, представлявшие собой сложные городские коммуны, члены которых объединялись на базе соседства, общих профессиональных интересов, религии (Гревс 1921: 28–29).

Фактически в рамках советских региональных исследований 1920-х гг. сформировалось представление о городе как о сообществе, являвшееся, по замечаниям современных российских мыслителей, основополагающим уже для западной классической социологии XIX — начала XX века (Вершинина 2024: 27). Н.П. Анциферов, развивая идеи И.М. Гревса, подчеркивал неразрывную связь города с населяющим его обществом (Анциферов 1926: 16), тем самым указывая на то, что предметом его социологического анализа служил не просто город, а городское сообщество.

Изучение повседневности городского сообщества в ее культурно-историческом измерении во многом предполагает фундаментальную направленность социологического исследования, однако научное творчество раннесоветских ученых отличалось прикладной ориентацией в силу их принадлежности к краеведческому движению, которое решало поставленные советской властью задачи по реализации культурно-просветительской политики и выявлению материальных ресурсов для социалистического строительства. Именно под таким углом зрения участники региональных исследований 1920-х гг. осмысливали городскую проблематику. Тем не менее они внесли значимый вклад в развитие отечественной социологии города, предложив методологию эмпирического изучения городского сообщества на уровне его повседневной жизни.

Раннесоветские обществоведы в ходе разработки региональных вопросов рассматривали городскую повседневность как комплексный социальный феномен, предлагая анализировать ее пространственные, темпоральные и символические параметры, а также повседневные практики горожан. При анализе всех этих аспектов они использовали разнообразные методы социального познания, включая качественные методы социологического исследования (Осипова 2019: 237–239), главным образом наблюдение и вторичный анализ данных, содержащихся в различного рода документах (официальных, исторических, литературных и т.д.).

Участники региональных исследований 1920-х гг. считали, что необходимо исследовать городскую повседневность с различных сторон. В обобщенном виде данная позиция нашла отражение в разработанной Н.П. Анциферовым программе изучения города, которая включает в себя несколько разделов, соответствующих разным методологическим подходам к анализу городского сообщества.

Первый раздел — это анатомия города (Анциферов 1926: 30–82), в рамках которой осмыслиются физические и материальные аспекты городской жизни, в частности, ее пространственная организация. Так, раннесоветские обществоведы указывали на важность учета городской планировки, которая, по их мнению, характеризует особенности социально-исторического развития города, а также оказывает серьезное влияние на его социальную жизнь (Гревс 1921: 25–26; Анциферов 1922: 24; Коленкин 1924: 76, 83, 137; Анциферов 1926: 52–63). В частности, Н.П. Анциферов замечал, что «османизация» Парижа привела к значительным социальным последствиям, разрушив старые и узкие кривые улочки, которые, в отличие от прямых и широких улиц, благоприятствовали образованию сплоченного городского сообщества с огромным революционным потенциалом (Анциферов 1926: 62–63). Интересно, что спустя десятилетия

социологи, как российские (Пригорьева 2021: 30, 38), так и зарубежные (Sennett 1996: 324–338), аналогичным образом усматривали социально-политический смысл в градостроительных мероприятиях барона Османа.

Исходя из размышлений отечественных обществоведов 1920-х гг., изучение анатомии города обеспечивается кабинетной работой (анализом исторических карт города и т.д.), результаты которой могут быть закреплены наблюдением (например, созерцанием города с высоты птичьего полета) (Гревс 1921). Важно заметить, что ученые, осмыслявшие региональные вопросы в 1920-х гг., считали необходимым анализировать городское пространство в рамках экскурсионных мероприятий. При этом экскурсия для них служила скорее не методом, а методикой, означающей «привязку одного или комбинацию нескольких методов и соответствующих процедур к исследованию» (Осипова 2019: 230). В представлении раннесоветских социальных мыслителей экскурсионная деятельность подразумевает применение не только метода наблюдения, но и метода анализа документов, поскольку, по их мнению, для успешного проведения экскурсии у ее участников должна быть хорошая предварительная подготовка, связанная с освоением исторической, социологической и прочей литературы по городской проблематике (Гревс 1921: 24–34; Коленкин 1924: 30–31; Анциферов 1926: 6).

Ученые 1920-х гг. в нашей стране полагали, что пространство и время городской повседневности тесно переплетены с ее символическим содержанием. Они указывали на то, что материальная ткань города — это не просто физический объект, это также сложное символическое образование, составляющее неразрывное целое с городским сообществом. Согласно им, элементы городского пространства играют роль особых символов, обеспечивающих временную связанность городской повседневной жизни, иными словами, единство ее прошлого, настоящего и будущего.

Так, участники региональных исследований 1920-х гг. писали о важности изучения в рамках экскурсий городской архитектуры, которая, по их мнению, обладает огромным символическим значением, поскольку в ней находят свое материальное выражение многие социальные процессы и явления. Они считали, что архитектурные репрезентации города отражают различные исторические периоды общественного развития, и поэтому рассматривали архитектурный компонент городского пространства в качестве важного материала для изучения истории и культуры города (Анциферов 1922: 47–48; Анциферов 1926: 130; Анциферов, Анциферова 1927: 10; Коленкин 1924: 15; Пиксанов 1928: 66–67). В частности, раннесоветские ученые писали, что уникальный архитектурный облик Петербурга хранит память о многих выдающихся личностях России

и несет на себе следы великих событий, определивших направление социально-исторической трансформации российского общества (Гревс 1921: 27).

Обществоведы в 1920-х гг. в СССР утверждали, что нужно исследовать все разнообразие типов архитектурных объектов, включая заводы, больницы, мосты и т.д. (Гревс 1921: 28). При этом они настаивали на том, что для всестороннего постижения городской повседневности нельзя ограничиваться рассмотрением одних только архитектурных сооружений, так как ценные сведения об истории жизнедеятельности городского сообщества и его культуре может также дать изучение городской топонимики, а вместе с ней музыкальных и литературных произведений, в которых освещаются те или иные стороны городской жизни (Гревс 1921: 28; Анциферов 1926: 142–147).

Как видно из вышесказанного, одна из главных идей в произведениях раннесоветских социологов, проводивших региональные исследования, заключается в том, что город является музеем под открытым небом, репрезентирующим историю развития общества. В соответствии с этим отечественные социальные мыслители в 1920-х гг. также говорили о необходимости сохранения историко-культурного наследия в городе (Анциферов 1926: 141–142), что согласовывалось с содержанием деятельности краеведческого движения в СССР 1920-х гг. Тем не менее данная точка зрения является крайне актуальной и сегодня, поскольку городское пространство, перестраиваясь под современные нужды, нередко лишается ценных архитектурных памятников.

Следует заметить, что аналогичная траектория социологического изучения города позднее прослеживалась в творчестве крупных западных ученых — Л. Мамфорда, А. Лефевра, Р. Сеннета, Й. Терборна (Mumford 1938; Lefebvre 1947–1981; Sennett 1977; Therborn 2017), которые тоже подчеркивали важность культурной и исторической функций городского сообщества. Однако если западные социальные мыслители исследовали городскую жизнь главным образом на примере европейских и американских городов, то отечественные социологи 1920-х гг. уделяли много внимания российским городам. В этом отношении раннесоветские исследования представляют самостоятельный интерес, поскольку обращены непосредственно к российскому городскому материалу, тогда как применимость зарубежных концепций к российской социальной действительности требует дополнительной проверки.

Второй раздел программы Н.П. Анциферова — физиология города (Анциферов 1926: 83–123), в контексте которой изучаются особенности выполнения городским сообществом различных функций через анализ

его социальной структуры. Последнюю так же, как историю и культуру города, участники раннесоветских региональных исследований считали нужным рассматривать на уровне городской повседневности (Пиксанов 1928: 62–69). Интересно, что физиология города, исходя из их размышлений, тесно связана с анатомией города прежде всего с пространственной конфигурацией последнего. В частности, они указывали на возможность изучения классового расслоения в городе посредством анализа системы расселения людей в различных городских районах (Анциферов 1926: 20, 83), что во многом перекликается с социально-экологическим подходом, предложенным представителями Чикагской школы социологии города (Park 1967). При этом они исследовали не только социально-классовую, но и социально-профессиональную структуру городского сообщества, что было закономерно в условиях раннесоветского общества, в котором трудящиеся составляли основную массу населения.

Так, Н.П. Анциферов писал, что городское сообщество распадается на множество профессиональных групп, выполняющих различные функции города (торгово-промышленную, административную, военную, духовную и т.д.) на базе соответствующих социальных организаций (учреждений, предприятий). Деятельность последних, согласно ученому, является важной составляющей городской повседневности и поэтому также должна изучаться. Н.П. Анциферов считал необходимым осмысливать всевозможные аспекты функционирования социальных организаций, начиная от их материально-технической базы и расположения в городском пространстве и заканчивая рутинными трудовыми практиками работающих в них горожан (Анциферов 1926: 83–123).

Советские исследователи 1920-х гг. подчеркивали важность изучения как трудовых, так и досуговых практик городских жителей, причем досуг связывался ими не только с развлекательными мероприятиями, но также с образованием, оздоровительными процедурами и т.д. Они предлагали наблюдать за повседневной деятельностью городских кинематографов, цирков, танцевальных залов, библиотек, лечебных центров и прочих досуговых учреждений, удовлетворяющих социально значимые потребности городского сообщества (Анциферов 1926: 106–108). Очевидно, что изучение указанных моментов имело прикладное значение, так как позволяло на основе эмпирических данных оценивать эффективность функционирования социальных институтов в раннесоветском городе и формировать целостное представление о социально-профессиональной структуре городского населения в СССР.

Следует отметить, что после возрождения советской социологии в 1960-х гг. вопросы, связанные с социальной структурой городского

сообщества, продолжили активно разрабатываться в трудах многих ведущих социологов, в числе которых О.И. Шкаратан, В.О. Рукавишников, Н.А. Аитов, В.Г. Мордкович, М.Х. Титма и другие (Шкаратан, Рукавишников 1974; Аитов, Мордкович, Титма 1988). В этом смысле социологические исследования города в рамках раннесоветских региональных исследований предвосхитили важные направления изучения городской проблематики в отечественной социологии города.

Хотя для многих участников региональных исследований 1920-х гг. приоритетными были качественные методы социального познания, в полной мере соответствовавшие культурно-исторической направленности их научных изысканий, количественные социологические методы также применялись ими для изучения городского сообщества, в частности, для выявления специфики его функционирования в период НЭПа. К примеру, А.А. Коленкин указывал на то, что во время экскурсий по российским городам ученые в 1920-х гг. прибегали к анкетному опросу, который позволял им получать социальную информацию о занятиях, материальном положении, интересах горожан и т.д. (Коленкин 1924: 62–63). В книге этого социального мыслителя мы находим описание разных этапов количественного социологического исследования города, включая составление выборки, взаимодействие с респондентами, статистическую обработку анкетного материала, представление полученных результатов в виде диаграмм (Коленкин 1924: 70).

Наконец, третий раздел программы изучения городской проблематики, выделяемый Н.П. Анциферовым, — психология города, в русле которой постигается «душа» города, его «лик», «облик». Речь идет о синтетической характеристике городского сообщества, которая основана на исторически сложившемся единстве его различных элементов (городской пейзаж, социальный уклад городских жителей и т.д.), обуславливающих его индивидуальность. Фактически в рамках третьего раздела суммируются знания об анатомии и физиологии города, результатом чего становится формирование целостного представления о последнем (Анциферов 1926: 124–148).

Синтетический подход к изучению городской жизни, на который опирались раннесоветские участники региональных исследований 1920-х гг., укоренен в литературной традиции. По мнению Н.П. Анциферова, художники слова на страницах своих книг конструировали образ города, рассматривая во взаимосвязи его различные составляющие — жизнедеятельность городского сообщества, символически нагруженное городское пространство и т.п. Советский ученый в 1920-х гг. и позднее демонстрировал комплексный характер осмысления города в творчестве целого ряда как зарубежных (О. де Бальзак, В. Гюго, Ч. Диккенс, Э. Верхарн и другие),

так и российских (А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, Н.А. Некрасов, Л.Н. Толстой и другие) писателей, тем самым обосновывая возможность использования литературных источников при социологической разработке городской проблематики (Анциферов 1922; Анциферов 2009 [1944]). Современные российские социологи также указывают на то, что социологическая концепция может иметь как научную, так и вненаучную форму, в связи с чем, по их мнению, социологическое видение содержится в творчестве не только ученых, но и писателей, публицистов, художников (Козловский 2007: 132).

Раннесоветские обществоведы, исследовавшие региональные вопросы, полагали, что для целостного восприятия города необходимо сочетать наблюдение за городским пространством с анализом литературных материалов о городской жизни, при этом они не связывали метод наблюдения исключительно с экскурсионными мероприятиями. Отечественные социологи 1920-х гг., подчеркивая огромную роль экскурсионной деятельности в изучении городского сообщества, в то же время указывали на важность первых общих впечатлений о городе, особенно если человек находится в нем впервые (Коленкин 1924: 19). Н.П. Анциферов, например, считал, что систематическому исследованию городской жизни должна предшествовать бесцельная прогулка по городу, в ходе которой ученый воспринимает элементы городской повседневности во всей их неповторимой целостности (Анциферов 1926: 131–132). Во многом это напоминает повседневную практику фланерства, возникшую в западноевропейских городах XIX века.

Обычно научное осмысление фланерства как особого метода постижения городской повседневности связывают с именем В. Беньямина, что не совсем верно, поскольку параллельно с немецким мыслителем концептуализацией данного социального феномена успешно занимались представители социально-гуманитарных наук и в нашей стране. Примечательно, что и В. Беньямин, и отечественные обществоведы исследовали фланерство на базе литературного материала, нередко обращаясь к одним и тем же писателям и поэтам. В частности, Н.П. Анциферов находил фигуру праздно странствующего по городу фланера в произведениях О. де Бальзака, Ч. Диккенса, на которых ссылаясь и немецкий ученый (Беньямин 2004: 79–122). Однако, в отличие от В. Беньямина, Н.П. Анциферов также описывал фланера Ф.М. Достоевского и сравнивал его с бальзаковским и диккенсовским фланерами. Согласно социальному мыслителю, если фланеры западных авторов изучают город как огромный социальный организм, живущий своей жизнью, то фланер великого русского писателя постигает прежде всего себя и свою душу через восприя-

тие города (Анциферов 2009 [1944]: 274), что фактически означает наличие личностного измерения городской повседневности.

Как известно, глубокий интерес к личности свойственен не только русской художественной литературе, но и отечественной социологии в целом, так как «в России значительно раньше, чем на Западе, социологи обратились к разработке теории личности, к постановке психологических исследований и подведению под социологию психологического фундамента» (Кукушкина 2006: 114). Н.П. Анциферов также оставил свой след в истории социологического анализа личности, выявив личностный уровень городской жизни посредством рассмотрения творчества русских писателей-урбанистов.

В 1920-х гг. многие социальные мыслители, создавая концепцию «города будущего», предлагали осмысливать различные составляющие городской жизни как взаимосвязанные части, образующие систему. В концептуальных построениях раннесоветских обществоведов В.Э. Хазанова вычленяла «бионический» аспект, связанный с поисками «глубоких сопоставлений целесообразного в живой природе и в архитектуре, в данном случае желание применить полезно-сходственное и родственное в них не только для объяснения характера сложившихся городов, но и для создания новых» (Хазанова 1980: 31). В раннесоветский период системный подход к социологическому анализу городской проблематики нашел выражение в концептуализации отечественными учеными города как социального организма, элементы которого зависят друг от друга и образуют единство.

Необходимо подчеркнуть, что различными раннесоветскими учеными придавалось несколько разное звучание органицистским идеям. Так, например, М.Я. Гинзбург писал, что архитектурные стили города обуславливаются его органической сущностью (Гинзбург 1924: 27). М.Г. Диканский понимал город как социальный организм, чьи органы обеспечивают процесс циркуляции в городском пространстве (Диканский 1926: 13–14).

Органицистское прочтение городской проблематики было характерно и для участников региональных исследований 1920-х гг. Согласно Н.П. Анциферову, наиболее релевантным для социологического осмысления города является органический подход. Он писал, что городское сообщество представляет собой особый социальный организм, причем данное понятие применялось им и другими раннесоветскими деятелями науки в качестве образного выражения, подчеркивающего сходство между городом и живым существом. Н.П. Анциферов полагал, что, как и в случае с живым организмом, «мы можем говорить о рождении, стихийном росте и о смерти города, мы можем вскрыть в нем ядро, определяющее этот рост» (Анциферов 1926: 17). Такое видение города обуславливало

разнонаправленность социологического осмысления города на базе раннесоветских региональных исследований, в которых освещались вопросы о генезисе и истории города, причинах и факторах его роста и развития и т.д.

В отличие от многих раннесоветских обществоведов, социологи, причастные к краеведческому движению, понимали город как исторически сложившийся культурный организм. Город рассматривался ими как «лаборатория», «приемник», «хранитель» культуры (Гревс 1921: 21), что соответствовало культурно-исторической перспективе их социологического анализа городской жизни. Однако, как и другие отечественные социальные мыслители, участники региональных исследований связывали органицизм с системным подходом. Согласно Н.П. Анциферову, элементы города находятся в органической связи друг с другом, гибель одного из элементов оказывает влияние на все целое. Он отмечал, что город есть большая и сложная система, состоящая из различных органов, взаимосвязанных между собой и приспособленных к осуществлению цели социального характера (Анциферов 1926: 17).

Комплексный и системный принцип понимания города согласовывался с принципом междисциплинарности, применявшимся в раннесоветских региональных исследованиях. Изучение города с позиций различных наук предполагает анализ всевозможных аспектов деятельности городского сообщества, которые, по мнению отечественных ученых 1920-х гг., необходимо осмысливать как взаимосвязанные части, образующие систему. В частности, И.М. Гревс полагал, что городская жизнь складывается из многообразных сторон (экономической, вещественно-бытовой, социальной, политической, умственной, художественной и т.д.), которые должны быть познаны в отдельности и в единстве (Гревс 1921: 28).

Так, о междисциплинарном подходе к изучению городского сообщества свидетельствуют разработанные раннесоветскими обществоведами программы проведения экскурсий по городам, которые включают в себя тематические блоки, касающиеся взаимосвязи природных условий и городской жизни, общественно-политической, административной и стратегической роли города, экономической деятельности его жителей, социального состава городского населения и т.д. (Коленкин 1924: 13–15). Представляется, что междисциплинарный синтез во многом был обусловлен принадлежностью отечественных исследователей городской проблематики к краеведческому движению 1920-х гг., которое, как было замечено нами ранее, образовывали представители не только естественных, но и социально-гуманитарных наук.

Тем не менее междисциплинарность — это один из дискуссионных моментов в научном творчестве раннесоветских обществоведов, изучавших городскую жизнь в региональной плоскости. В их научных трудах не встречается четкое методологическое обоснование построения междисциплинарных связей. Их апелляция к естественнонаучному знанию носила декларативный характер, тогда как основной их исследовательский интерес был связан с социологическим изучением городского сообщества в его культурно-исторической перспективе.

Некоторые отечественные обществоведы 1920-х гг. критиковали применение органицизма при разработке городской проблематики. В частности, Л.А. Велихов выступал против аналогий, проводимых раннесоветскими органицистами между элементами городской среды и живым организмом. Подобные рассуждения о городе, по его мнению, «относятся к области поэзии, художественной публицистики и лишены теоретического значения» (Велихов 1996 [1928]: 79). Действительно, следует признать метафоричность научных произведений участников региональных исследований 1920-х гг. Ими часто применялись слабо операционализируемые понятия, многие из которых не получали четких дефиниций, не разводились между собой, причем для их обозначения употреблялись весьма специфические термины («физиономия города», «облик города», «биография города», «судьба города», «психика города», «личность города» и т.д.) (Гревс 1921; Анциферов 1922).

«Поэтизация» понятийно-категориального аппарата в творчестве раннесоветских обществоведов, исследовавших региональные аспекты городской жизни, усложняет восприятие их концептуальных построений, но вместе с тем позволяет выявить их методологические особенности. Как представляется, эти особенности обусловлены следованием «литературному» подходу, как его называл И.М. Гревс (Гревс 1921: 27). Так, многие использовавшиеся ими в рамках органицизма понятия («физиология города», «физиономия города», «душа города» и другие) на самом деле имели литературное происхождение. Например, участники региональных исследований 1920-х гг. обращались к работам из сборника под редакцией Н.А. Некрасова «Физиология Петербурга» (Некрасов 1844–1845), которые, по их мнению, рисуют широкую и правдивую картину повседневной жизни различных слоев городского населения в российском обществе XIX столетия. Нетрудно заметить, что Н.П. Анциферов понимал в схожем ключе «физиологию города», связывая ее с социальной структурой городского сообщества.

Таким образом, «литературный» подход предопределил методологическое своеобразие концепции города как социального организма,

нашедшей отражение в трудах социальных мыслителей, принадлежавших к краеведческому движению в СССР 1920-х гг. Данный вариант органицизма самобытен и, в частности, имеет мало общего с широко известной органицистской методологией социального познания, разработанной Г. Спенсером (Спенсер 1877). Как и английский классик социологии, раннесоветские участники региональных исследований использовали органицистскую модель в качестве метафоры, а также пытались обнаружить системные свойства общественной жизни. Однако Г. Спенсер и отечественные ученые придерживались различных философско-мировоззренческих положений о природе социальной реальности.

Спенсеровский органицизм, наряду с теоретическими построениями О. Конта, Э. Дюркгейма, соответствует позитивистскому проекту социологии, в рамках которого социальная реальность анализируется по аналогии с природной реальностью, а социологическая наука, подобно естественнонаучным дисциплинам, выявляет социальные законы и закономерности функционирования общества (Полякова 2015: 52–56). «Еще один вариант *научной социологии* был связан с именем К. Маркса» (Добренчиков, Полякова 2011: 40), также предполагавшего наличие общественных законов.

Участники региональных исследований 1920-х гг., напротив, уделяли много внимания изучению культуры городского сообщества в ее историческом контексте. Опора на литературный материал обусловила «понимающий» характер их социологического анализа городской жизни, так как художественная литература, подобно любому другому виду искусства, имеет дело со смысловой реальностью, состоящей из символов, ценностей и прочих социокультурных феноменов. Они, в отличие от раннесоветских ученых, разделявших принципы марксизма-ленинизма при социологическом изучении городской проблематики (Бухарин 1920; Велихов 1996 [1928]), подчеркивали, что занимались не установлением точных социальных законов и закономерностей городской жизни, а ее типологическим описанием (Анциферов 1926: 46; Анциферов, Анциферова 1926а: 6), что соответствовало понимающей социологии Г. Зиммеля и М. Вебера (Полякова 2015: 52–56), на чьи работы по социологии города они неоднократно ссылались. Знакомство отечественных социальных мыслителей с научными трудами упомянутых немецких социологов вполне закономерно, поскольку они переводились на русский язык до и после Революции 1917 года (Зиммель 1905; Вебер 1923), а также служили предметом соответствующих историко-социологических исследований, осуществлявшихся в СССР в 1920-х гг. (Неусыхин 1923; Стоклицкая-Терешкович 1925а; Стоклицкая-Терешкович 1925b).

«Литературный» подход, применявшийся раннесоветскими обществоведами, в методологическом плане не лишен изъянов, связанных с метафоричностью и неоднозначностью используемых понятий, но в то же время данный подход характеризуется наличием эвристического потенциала. Ученые 1920-х гг. в СССР показали, что в ходе анализа образа города, существующего на страницах литературных произведений, обнаруживаются типичные черты городской жизни, что, в свою очередь, дает возможность выйти на уровень социологических обобщений. Более того, обращение к литературным источникам позволило представителям социально-гуманитарных наук даже после 1930-х гг. в условиях жестких идеологических запретов в советском государстве разрабатывать городскую проблематику в социологическом ракурсе.

Так, Н.П. Анциферов в своей литературоведческой диссертации, защищенной в 1944 году, сравнивал рассуждения о городской жизни Ф. Энгельса и Ф.М. Достоевского, демонстрируя социологическую перспективу в осмыслении города последним. Очевидно, что апелляция к идеям основоположников марксизма имела идеологическую подоплеку, вместе с тем необходимо подчеркнуть, что Ф. Энгельс — автор классического социологического исследования города. Речь идет о его широко известной работе «Положение рабочего класса в Англии» (Engels 1845), на которую Н.П. Анциферов как раз и ссылался. В связи с этим сопоставительный анализ, предпринятый отечественным ученым, представляет определенный интерес с социологической точки зрения. Благодаря рассуждениям Н.П. Анциферова можно увидеть, что Ф.М. Достоевский, как и марксистский социолог, указывал на разобщенность городского сообщества, вызванную капиталистическими отношениями, отмечал деструктивное воздействие большого города на здоровье и нравственный облик его обитателей и т.д., тем самым внося значимый вклад в социологическое понимание особенностей городской жизни XIX столетия (Анциферов 2009 [1944]: 44–51). Примечательно, что в конце 1920-х гг. Н.К. Писанов относил Ф.М. Достоевского к категории писателей-урбанистов, воспитанных на городской культуре (Писанов 1928: 54), поэтому кажется неслучайным высокий интерес к творчеству этого великого русского литератора со стороны отечественных обществоведов, осуществлявших социологическую разработку городской проблематики.

Высказанное позволяет заметить, что культурно-историческая перспектива осмысления городского сообщества в трудах отечественных обществоведов 1920-х гг., созвучная понимающей социологии, противоречила базовым положениям марксизма-ленинизма. Интересно, что еще в начале 1920-х гг. вопросы, касающиеся культурно-исторической состав-

ляющей городского сообщества, занимали центральное место в работах исследователей регионов нашей страны, тогда как во второй половине 1920-х гг., по мере усиления идеологического контроля в СССР, наблюдалась некоторая переориентация их научного анализа с «надстройки» на «базис» городской жизни. Так, раннесоветские социальные мыслители со временем начали все чаще указывать на важность экономических аспектов функционирования города, а также пытаться включить некоторые элементы марксистско-ленинской методологии в свои рассуждения. В частности, Н.П. Анциферов и Т.Н. Анциферова в книге, изданной в 1926 г., писали о нескольких стадиях генезиса города, напоминающих общественно-экономические формации, выделенные К. Марксом (первобытный город-село, феодальный город, город эпохи развития торгового капитала, город эпохи промышленного и финансового капитала) (Анциферов, Анциферова 1926а: 7). Тем не менее участники региональных исследований продолжали и впредь, вплоть до разгрома краеведческого движения и институционального вытеснения социологии как самостоятельной научной дисциплины в 1930-х гг., детально анализировать культурно-исторические процессы городского сообщества, тогда как разработка городской проблематики в рамках марксистско-ленинского учения об обществе осуществлялась ими на довольно поверхностном уровне и была связана скорее со стремлением вписаться в идеологические рамки раннесоветского государства.

Выводы

В раннесоветские годы было проведено большое количество эмпирических социологических исследований города, которые позволяли выходить на уровень теоретических обобщений, давали возможность судить об особенностях и тенденциях социального развития городских сообществ и тем самым вырисовывали детальную картину социального пространства советских городов того времени. Однако эти исследования различались между собой теоретико-методологическими основами, из-за чего в рассматриваемый период так и не сложилась единая и целостная социологическая теория, объясняющая городскую жизнь в СССР. Впрочем, подобное положение дел было характерно для всей отечественной социологии, поскольку, согласно З.Т. Голенковой и Ю.В. Гридчину, усиливался разрыв между, с одной стороны, социологами-эмпириками, применявшими различные методологические принципы, далекие от марксизма, и, с другой стороны, марксистскими теоретиками, стремившимися догматизировать марксистское учение об обществе (Голенкова, Гридчин 1998: 53). Очевидно, что это вело к появлению различных вариантов концептуализации

социальных процессов и явлений, что отчетливо видно на примере отечественной социологии города 1920-х гг., которая содержательно пополнялась как марксистскими, так и немарксистскими аналитическими схемами.

В статье предпринята попытка историко-социологического анализа научного наследия участников раннесоветских региональных исследований городских сообществ, которое до настоящего времени не получило детального освещения в социологической литературе. Несмотря на то что научные труды по социологии города социальных мыслителей, разрабатывавших региональные вопросы, демонстрировали прикладную ориентацию, а также некоторую политическую и идеологическую ангажированность, они представляют несомненный интерес для современной социологии и обладают высоким эвристическим потенциалом.

Во-первых, советские обществоведы, принадлежавшие к краеведческому движению 1920-х гг., одними из первых в отечественной социологии задали культурно-историческую перспективу осмысления городской жизни, включив в предметную область социологии города детальный и всесторонний анализ городской повседневности.

Во-вторых, представители социально-гуманитарных наук в рамках региональных исследований 1920-х гг. внесли значимый вклад в развитие методологии эмпирического социологического изучения городского сообщества в его культурно-историческом измерении.

В-третьих, их заслуга состоит также в формировании целостного представления о городе как сложной социальной системе, которое является основополагающим и для социологов, изучающих городскую жизнь в наши дни (Расходчиков 2024: 51).

Таким образом, социологическое осмысление города, предпринятое в 1920-х гг. учеными в рамках региональных исследований в СССР, существенно обогатило в теоретико-методологическом плане отечественную социологию города, став важной вехой в истории ее развития.

Литература / References

Аитов Н.А., Мордкович В.Г., Титма М.Х. (ред.) (1988) *Советский город. Социальная структура*. М.: Мысль.

Aitov N.A., Mordkovich V.G., Titma M.Kh. (eds.) (1988) *The Soviet City: Social Structure*. Moscow: Mysl' (in Russian).

Анциферов Н.П. (1922) *Душа Петербурга*. Петербург: Брокгауз-Ефрон.
Antsiferov N.P. (1922) *The Soul of St. Petersburg*. Petersburg: Brockhaus-Efron (in Russian).

Анциферов Н.П. (1926) *Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода*. Л.: Книгоиздательство «Сеятель» Е.В. Высоцкого.

Antsiferov N.P. (1926) *Ways of Studying the City as a Social Organism: An Attempt at an Integrated Approach*. Leningrad: Seyatel' Publishing House of E.V. Vysotsky (in Russian).

Анциферов Н.П., Анциферова Т.Н. (1926а) *Книга о городе. I. Город как выразитель сменяющихся культур. Картины и характеристики*. Л.: Брокгауз-Ефрон.

Antsiferov N.P., Antsiferova T.N. (1926a) *The Book of the City. I: The City as an Expression of Changing Cultures. Pictures and Characteristics*. Leningrad: Brockhaus-Efron (in Russian).

Анциферов Н.П., Анциферова Т.Н. (1926b) *Книга о городе. II. Современные города*. Л.: Брокгауз-Ефрон.

Antsiferov N.P., Antsiferova T.N. (1926b) *The Book of the City. II: Modern Cities*. Leningrad: Brockhaus-Efron (in Russian).

Анциферов Н.П., Анциферова Т.Н. (1927) *Книга о городе. III. Жизнь города*. Л.: Брокгауз-Ефрон.

Antsiferov N.P., Antsiferova T.N. (1927) *The Book of the City. III: The Life of the City*. Leningrad: Brockhaus-Efron (in Russian).

Анциферов Н.П. (2009 [1944]) *Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города — Петербурга Достоевского — на основе анализа литературных традиций*. М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН.

Antsiferov N.P. (2009 [1944]) *Problems of Urbanism in Russian Literature: An Attempt to Construct the Image of the City — Dostoevsky's Petersburg — through an Analysis of Literary Traditions*. Moscow: A.M. Gorky Institute of World Literature, RAS (in Russian).

Беньямин В. (2004) Шарль Бодлер. Поэт в эпоху зрелого капитализма. В: Белобратов А.В. (ред.) *Маски времени. Эссе о культуре и литературе*. СПб.: Symposium: 47–234.

Benjamin W. (2004) Charles Baudelaire: A Lyric Poet in the Era of High Capitalism. In: Belobratov A.V. (ed.) *Masks of Time: Essays on Culture and Literature*. St. Petersburg: Symposium: 47–234 (in Russian).

Бухарин Н.И. (1920) *Экономика переходного периода. Ч. I. Общая теория трансформационного процесса*. М.: Государственное издательство.

Bukharin N.I. (1920) *The Economics of the Transition Period. Part I: General Theory of the Transformation Process*. Moscow: State Publishing House (in Russian).

Вебер М. (1923) *Город*. Петроград: Наука и школа.

Weber M. (1923) *The City*. Petrograd: Nauka i shkola (in Russian).

Велихов Л.А. (1996 [1928]) *Основы городского хозяйства*. М.: Наука.

Velikhov L.A. (1996 [1928]) *Foundations of Municipal Economy*. Moscow: Nauka (in Russian).

Вершинина И.А. (2024) *Социальные отношения в большом городе*. М.: Центр этнических и международных исследований.

Vershinina I.A. (2024) *Social Relations in the Big City*. Moscow: Center for Ethnic and International Studies (in Russian).

Гинзбург М.Я. (1924) *Стиль и эпоха. Проблемы современной архитектуры*. М.: Государственное издательство.

Ginzburg M.Ya. (1924) *Style and Epoch: Problems of Modern Architecture*. Moscow: State Publishing House (in Russian).

Голенкова З.Т., Гридчин Ю.В. (1998) Историко-социологическая проблематика. В: Ядов В.А. (ред.) *Социология в России*. М.: Издательство Института социологии РАН: 45–69.

Golenkova Z.T., Gridchin Yu.V. (1998) Historical and Sociological Issues. In: Yadov V.A. (ed.) *Sociology in Russia*. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences: 45–69 (in Russian).

Гоуард Э. (1911) *Города будущего*. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза».

Howard E. (1911) *Garden Cities of To-Morrow*. St. Petersburg: Obshchestvennaya Pol'za (in Russian).

Гревс И.М. (1910) *К теории и практике «экскурсий», как орудия научного изучения истории в университетах*. СПб.: Сенатская типография.

Grevs I.M. (1910) *On the Theory and Practice of "Excursions" as a Tool for the Scientific Study of History at Universities*. St. Petersburg: Senate Printing House (in Russian).

Гревс И.М. (1921) Монументальный город и исторические экскурсии. *Экскурсионное дело*, 1: 21–34.

Grevs I.M. (1921) The Monumental City and Historical Excursions. *Ekskursionnoe delo* [Excursion Studies], 1: 21–34 (in Russian).

Григорьева Е.А. (2021) «Османизация» Парижа и ее социальные последствия. *Вестник Московского университета. Серия 8. История*, 1: 25–40.

Grigorieva E.A. (2021) "Haussmannization" of Paris and Its Social Consequences. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya* [Moscow University Bulletin. Series 8. History], 1: 25–40 (in Russian).

Григорьева Е.А. (2025) Миопия после утопии: особенности современных представлений об идеальном городе. *Социологические исследования*, 51(6): 65–77. <https://doi.org/10.7868/S3034601025060067>

Grigorieva E.A. (2025) Myopia after Utopia: Features of Contemporary Ideas about the Ideal City. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 51(6): 65–77. <https://doi.org/10.7868/S3034601025060067> (in Russian).

Гугуев Д.К. (2024) Особенности становления и развития отечественной социологии города в XIX — начале XX века. *Социология*, 7: 71–78.

Guguev D.K. (2024) Features of the Formation and Development of Russian Urban Sociology in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries. *Sotsiologiya* [Sociology], 7: 71–78 (in Russian).

Гугуев Д.К. (2025) Урбанистический кризис XIX — начала XX в. в отечественных социологических исследованиях города дореволюционного периода. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*, 31(4): 135–149. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2025-31-4-135-149>

Guguev D.K. (2025) The Urban Crisis of the Nineteenth and Early Twentieth Centuries in Russian Sociological Studies of the City in the Pre-Revolutionary Period. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science], 31(4): 135–149. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2025-31-4-135-149> (in Russian).

Диканский М.Г. (1926) *Проблемы современных городов. Движение в больших городах. Кризис жилищ.* М.: Вопросы труда.

Dikansky M.G. (1926) *Problems of Modern Cities: Traffic in Big Cities. The Housing Crisis.* Moscow: Voprosy truda (in Russian).

Добренков В.И., Полякова Н.Л. (2011) Методология анализа историко-социологического процесса. Критерии его периодизации. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*, 1: 27–43.

Dobrenkov V.I., Polyakova N.L. (2011) Methodology for Analyzing the Historical-Sociological Process: Criteria for Its Periodization. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science], 1: 27–43 (in Russian).

Зиммель Г. (1905) Большие города и духовная жизнь. В: *Большие города, их общественное, политическое и экономическое значение*. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение»: 117–136.

Simmel G. (1905) The Metropolis and Mental Life. In: *Big Cities: Their Social, Political, and Economic Significance*. St. Petersburg: Prosveshchenie: 117–136 (in Russian).

Измоленова Н.Н. (1989) Концепция социализма в градостроительных теориях 20–30-х годов XX века. В: Голенкова З.Т., Витюк В.В. (ред.) *История становления советской социологической науки в 20–30-е годы: сборник статей*. М.: Институт социологии: 155–165.

Izmodenova N.N. (1989) The Concept of Socialism in Urban Planning Theories of the 1920s–1930s. In: Golenkova Z.T., Vityuk V.V. (eds.) *The History of the Formation of Soviet Sociology in the 1920s–1930s*. Moscow: Institute of Sociology: 155–165 (in Russian).

Козловский В.В., Браславский Р.Г. (2005) От академической истории социологии к историко-социологическому изучению России: творчество И.А. Голосенко. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 8(1): 40–53.

Kozlovsky V.V., Braslavsky R.G. (2005) From the Academic History of Sociology to the Historical-Sociological Study of Russia: The Work of I.A. Golosenko. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 8(1): 40–53 (in Russian).

Козловский В.В. (2007) Сектор истории российской социологии. *Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития*, 1(31): 129–137.

Kozlovsky V.V. (2007) The Sector for the History of Russian Sociology. *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya* [Economy of the North-West: Problems and Prospects of Development], 1(31): 129–137 (in Russian).

Козловский В.В., Браславский Р.Г. (2019) Ленинградская мозаика советской социологии. В: Горшков М.К. (ред.) *Россия реформирующаяся: ежегодник*. Вып. 17. М.: Новый Хронограф: 61–82. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2019.3>

Kozlovsky V.V., Braslavsky R.G. (2019) Mosaic Sociology in Leningrad. In: Gorshkov M.K. (ed.) *Russia Reforming: Yearbook*. Issue 17. Moscow: Novyy Khronograf: 61–82. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2019.3> (in Russian).

Коленкин А.А. (1924) *Русский город и его роль в прошлом и настоящем. Дальняя экскурсия. Опыт организации дальней экскурсии на основе самостоятельности учащихся. Из работ Московского музейно-экскурсионного института*. Л.: Путь к знанию.

Kolenkin A.A. (1924) *The Russian City and Its Role in the Past and Present: A Long-Distance Excursion. An Experiment in Organizing an Excursion Based on Students' Independent Activity*. Leningrad: Put' k znaniyu (in Russian).

Кукушкина Е.И. (2006) Русская социология и западная наука (XIX — начало XX вв.). *Социологические исследования*, 3: 113–119.

Kukushkina E.I. (2006) Russian Sociology and Western Science (Nineteenth–Early Twentieth Centuries). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 3: 113–119 (in Russian).

Лоскутова М.В. (2011) «Наука областного масштаба»: идея естественных районов в российской географии и истоки краеведческого движения 1920-х гг. *Ab Imperio*, 2: 83–121. <https://doi.org/10.1353/imp.2011.0063>

Loskutova M.V. (2011) “A Science of Regional Scale”: The Idea of Natural Regions in Russian Geography and the Origins of the Local Studies Movement of the 1920s. *Ab Imperio*, 2: 83–121. <https://doi.org/10.1353/imp.2011.0063> (in Russian).

Мазалова Н.Е. (2015) «Опальный принц в империи лотков и суеты»: чувствования горожан в современном Петербурге. В: Соколовский С. (ред.) *Инновации в антропологии: новые направления, объекты и методы в российских антропологических исследованиях*. М.: ИЭА РАН: 123–138.

Mazalova N.E. (2015) “A Disgraced Prince in the Empire of Stalls and Bustle”: The Feelings of City Dwellers in Contemporary St. Petersburg. In: Sokolovsky S. (ed.) *Innovations in Anthropology: New Directions, Objects, and Methods in Russian Anthropological Research*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, RAS: 123–138 (in Russian).

Меерович М.Г. (2017) *Градостроительная политика в СССР (1917–1929). От города-сада к ведомственному рабочему поселку*. М.: Новое литературное обозрение.

Meerovich M.G. (2017) *Urban Planning Policy in the USSR (1917–1929): From the Garden City to the Departmental Workers' Settlement*. Moscow: New Literary Observer (in Russian).

Мионов П.В. (1925) Краеведение в вопросах градоустройства. *Краеведение*, 2(3–4): 211–218.

Mironov P.V. (1925) Local Studies in Urban Planning. *Kraevedenie* [Local Studies], 2(3–4): 211–218 (in Russian).

Некрасов Н.А. (ред.) (1845) *Физиология Петербурга, составленная из трудов русских литераторов (с политипажами)*. СПб.: Издание книгопродавца А. Иванова.

Nekrasov N.A. (ed.) (1845) *The Physiology of Petersburg, Compiled from the Works of Russian Writers*. St. Petersburg: A. Ivanov (in Russian).

Неусыхин А.И. (1923) Социологическое исследование Макса Вебера о городе. *Под знаменем марксизма*, 8–9: 219–250.

Neusykhin A.I. (1923) Max Weber's Sociological Study of the City. *Pod znamenem marksizma* [Under the Banner of Marxism], 8–9: 219–250 (in Russian).

Озеров А.Г. (2021) *Краеведение. Методические аспекты*. М.: Юный краевед.

Ozerov A.G. (2021) *Local Studies: Methodological Aspects*. Moscow: Yuny kraeved (in Russian).

Осипова Н.Г. (2005) Советские ученые в борьбе за конституирование социологической дисциплины. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*, 1: 36–58.

Osipova N.G. (2005) Soviet Scholars in the Struggle for the Institutionalization of Sociology as a Discipline. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science], 1: 36–58 (in Russian).

Осипова Н.Г. (2018) *Западная социология в XX столетии. Ключевые фигуры, направления и школы*. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация».

Osipova N.G. (2018) *Western Sociology in the Twentieth Century: Key Figures, Trends, and Schools*. Moscow: Kanon+ ROOI Reabilitatsiya (in Russian).

Осипова Н.Г. (2019) *Современная социологическая теория. В 2 ч. Ч. 1*. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация».

Osipova N.G. (2019) *Contemporary Sociological Theory. In 2 Parts. Part 1*. Moscow: Kanon+ ROOI Reabilitatsiya (in Russian).

Пиксанов Н.К. (1928) *Областные культурные гнезда. Историко-краеведный семинар*. М.; Л.: Государственное издательство.

Piksanov N.K. (1928) *Regional Cultural Centers: A Historical and Local Studies Seminar*. Moscow; Leningrad: State Publishing House (in Russian).

Полякова Н.Л. (2015) Методологический плюрализм и структура социологической теории. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*, 4: 50–68. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2015-0-4-50-68>

Polyakova N.L. (2015) Methodological Pluralism and the Structure of Sociological Theory. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*

[Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science], 4: 50–68. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2015-0-4-50-68> (in Russian).

Протопопов Д.Д. (1909a) Города будущего. *Городское дело*, 17: 853–867.

Protopopov D.D. (1909a) Cities of the Future. *Gorodskoe delo* [Municipal Affairs], 17: 853–867 (in Russian).

Протопопов Д.Д. (1909b) Города будущего. *Городское дело*, 18: 907–916.

Protopopov D.D. (1909b) Cities of the Future. *Gorodskoe delo* [Municipal Affairs], 18: 907–916 (in Russian).

Расходчиков А.Н. (2024) Семантика коммуникативной среды города — информационные технологии городского дизайна. *Речевые технологии*, 1: 49–57.

Raskhodchikov A.N. (2024) Semantics of the Urban Communication Environment: Information Technologies of Urban Design. *Rechevye tekhnologii* [Speech Technologies], 1: 49–57 (in Russian).

Спенсер Г. (1877) *Основания социологии. В 2 т. Т. 2.* СПб.: Издание И.И. Библина: 497–897.

Spencer H. (1877) *The Principles of Sociology. In 2 Vols. Vol. 2.* St. Petersburg: I.I. Bilibin: 497–897 (in Russian).

Стоклицкая-Терешкович В.В. (1925a) Город с историко-социологической точки зрения. *Печать и революция*, 1: 62–78.

Stoklitskaya-Tereshkovich V.V. (1925a) The City from a Historical-Sociological Perspective. *Pechat' i revolyutsiya* [Press and Revolution], 1: 62–78 (in Russian).

Стоклицкая-Терешкович В.В. (1925b) Город с историко-социологической точки зрения. *Печать и революция*, 3: 109–118.

Stoklitskaya-Tereshkovich V.V. (1925b) The City from a Historical-Sociological Perspective. *Pechat' i revolyutsiya* [Press and Revolution], 3: 109–118 (in Russian).

Хазанова В.Э. (1980) *Советская архитектура первой пятилетки. Проблемы города будущего.* М.: Наука.

Khazanova V.E. (1980) *Soviet Architecture of the First Five-Year Plan: Problems of the City of the Future.* Moscow: Nauka (in Russian).

Шабаев Ю.П., Садохин А.П., Лабунова О.В., Сазонова Н.Н. (2018) Антропологическое понимание города и методология урбанистического изучения. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 3: 248–267. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.13>

Shabaev Yu.P., Sadokhin A.P., Labunova O.V., Sazonova N.N. (2018) Anthropological Understanding of the City and Urban Research Methodology. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 3: 248–267. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.13> (in Russian).

Шестаков С.С. (1925) *Большая Москва.* М.: Издание М.К.Х.

Shestakov S.S. (1925) *Greater Moscow.* Moscow: M.K.Kh. (in Russian).

Шкаратан О.И., Рукавишников В.О. (1974) Социальная структура населения советского города и тенденции ее развития. *Социологические исследования*, 2: 44–48.

Shkaratan O.I., Rukavishnikov V.O. (1974) The Social Structure of the Soviet Urban Population and Trends in Its Development. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2: 44–48 (in Russian).

Шмидт С.О. (1997) Краеведение в научной и общественной жизни России 1920-х годов. Шмидт С.О. *Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии*. М.: РГГУ: 153–166.

Shmidt S.O. (1997) Local Studies in the Scientific and Public Life of Russia in the 1920s. In: Shmidt S.O. *The Path of a Historian: Selected Works on Source Studies and Historiography*. Moscow: Russian State University for the Humanities: 153–166 (in Russian).

Шмидт С.О. (2010) Краеведение. *Большая Российская энциклопедия: в 35 т.* Т. 15. М.: Большая Российская энциклопедия: 558–561.

Shmidt S.O. (2010) Local Studies. In: *Great Russian Encyclopedia. In 35 Vols.* Vol. 15. Moscow: Great Russian Encyclopedia: 558–561 (in Russian).

Яницкий О.Н. (1987) *Экологическая перспектива города*. М.: Мысль.

Yanitsky O.N. (1987) *The Ecological Perspective of the City*. Moscow: Mysl' (in Russian).

Яницкий О.Н. (1998) Социология города. В: Ядов В.А. (ред.) *Социология в России*. М.: Издательство Института социологии РАН: 148–159.

Yanitsky O.N. (1998) Urban Sociology. In: Yadov V.A. (ed.) *Sociology in Russia*. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences: 148–159 (in Russian).

Яницкий О.Н. (2016) История городской социологии в России: эволюция идей. *Социологические исследования*, 8: 117–126.

Yanitsky O.N. (2016) The History of Urban Sociology in Russia: The Evolution of Ideas. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 8: 117–126 (in Russian).

Engels F. (1845) *Die Lage der arbeitenden Klasse in England. Nach eigener Anschauung und authentischen Quellen*. Leipzig: Otto Wigand.

Lefebvre H. (1947–1981) *Critique de la vie quotidienne*. 3 vols. Paris: Grasset; L'Arche.

Mumford L. (1938) *The Culture of Cities*. New York: Harcourt, Brace and Company.

Park R.E. (1967) Human Ecology. In: Turner R.H. (ed.) *On Social Control and Collective Behavior: Selected Papers*. Chicago: University of Chicago Press: 69–84.

Sennett R. (1977) *The Fall of Public Man*. New York: Alfred A. Knopf.

Sennett R. (1996) *Flesh and Stone: The Body and the City in Western Civilization*. New York; London: W.W. Norton & Company.

Therborn G. (2017) *Cities of Power: The Urban, the National, the Popular, the Global*. London; New York: Verso.

SOCIOLOGICAL UNDERSTANDINGS OF THE CITY IN REGIONAL STUDIES OF THE EARLY SOVIET PERIOD

Daniil K. Guguev (daniilguguev@gmail.com)

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Citation: Guguev D. (2026) Sociological understandings of the city in regional studies of the early Soviet period. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(3): 119–149 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.3.5> EDN: DSNYKK

Abstract. The article focuses on the sociological heritage, created by participants in regional empirical research in the 1920s, who studied urban life in its cultural and historical dimension. The scientific contribution they have made to the development of Russian urban sociology as a special field of sociological knowledge has not yet been widely covered in the Russian sociological literature, which determines the scientific significance of the article's problem. The purpose of the research is to identify the socio-historical prerequisites for the sociological study of the city within the framework of regional studies of the early Soviet years, to highlight its theoretical and methodological features, as well as to carry out a critical understanding of its results. The research methodology is based on historical-sociological analysis, understood as a comprehensive analysis of sociological concepts that takes into account both intra-scientific and extra-scientific factors in their emergence and development. The role of the Soviet local history of the 1920s in the development of urban issues in a regional context is shown. It is noted that the scientific works of the Russian authors under consideration, although they were created to solve applied problems, at the same time contained the substantiation of the original methodology for empirical sociological urban research at the level of urban everyday life. The specifics, strengths and weaknesses of the cultural and historical perspective of the sociological analysis of urban everyday life, proposed by Soviet regional scientists in the 1920s, are outlined. It is concluded that today empirical sociological urban studies, conducted in the context of the early Soviet local history movement, are of great interest theoretically and methodologically, and also have serious heuristic potential within the framework of modern sociology, both Russian and foreign.

Keywords: Russian urban sociology, local history, regional studies, city, urban community, urban everyday life, excursion, flaneur.